

A romantic couple is shown in a close embrace against a dark, snowy background. The man, on the left, has dark hair and a light beard, looking intensely at the camera. The woman, on the right, has long dark hair and is looking slightly away from the camera. Red rose petals are scattered around them, and a single white heart is visible in the upper right. The overall mood is romantic and intimate.

Алиса
Северова

ПРОВИНЦИАЛКА И

Мастор

Алиса Северова

Провинциалка и мажор

<https://litres.ru/74277587>

Аннотация

МГУ? Не взяли. Кремль напротив окна? Мечтай дальше. Зато под колёса чёрного гелика — пожалуйста!

За рулём — Антон Воронин, тот самый: 26 лет, миллионер, взгляд как минус двадцать и язык, от которого хочется одновременно и поцеловать, и дать по башке. Вместо «извини» он орёт матом, суёт пачку денег и... заталкивает рыдающую меня в салон. «Поживёшь у меня. Пока. И не вздумай спорить, дура больная!»

Так начинается самый сумасшедший год моей жизни.

Сможет ли простая девчонка из глубинки растопить сердце богатого циника? Сможет ли мажор ради любви послать к чёрту весь свой гламурный мир?

Огненная романтика, море искр, одна выкинутая в Москву-реку паспорт и гарантия: после этой книги ты тоже захочешь попасть под чей-нибудь гелик.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

Глава 1

Солнечные лучи весело пляшут на белых листах списков зачисленных, приколотых у входа в приёмную комиссию факультета психологии МГУ. Абитуриенты толпятся во круг, словно стая взволнованных птиц. Кто-то пронзительно вскрикивает от радости и бросается обнимать родных, кто-то стоит с побелевшим лицом, судорожно перечитывая строчки снова и снова.

Я стою неподвижно, будто меня пригвоздили к горячему асфальту. Сердце колотится где-то в горле, готовое вырваться наружу. Глаза лихорадочно бегают по строчкам: первый список... второй... третий... Пальцы до боли сжимают край старой хлопковой футболки. Моей фамилии нет. Ни в одном.

Я подаюсь вперёд, не веря своим глазам. Перечитываю ещё раз — от первой до последней строчки. В груди что-то рвётся.

Этого не может быть.

Два года я жила только этой мечтой. Два года зубрила ночи напролёт, отказывала себе во всём, только чтобы оказаться здесь. Высокие баллы ЕГЭ, творческий конкурс, собеседование — всё сдала на отлично. У меня были шансы. Реальные. А теперь...

В груди распускается чёрная, ледяная дыра. Она засасывает всё: надежду, силы, смысл жизни. Ни злости, ни возмущения — только тяжёлая, тупая боль и пустота, от которой холодеют кончики пальцев. Всё кончено. Моя мечта только что умерла прямо у меня на глазах.

Теперь меня ждёт только возвращение в Нефтегорск. В серые пятиэтажки, в вечно пьяные драки под окнами, в душную квартиру, где мама уже подобрала мне «жениха», которому нужна хорошая жена для работы на ферме. Жизнь, от которой я так отчаянно пыталась сбежать.

Колени предательски дрожат. К горлу подкатывает тошнота — горькая, едкая. Я пошатываюсь и медленно бреду прочь, не разбирая дороги. Лишь бы подальше от этих счастливых лиц, от их смеха, от этого проклятого здания, которое только что раздавило мою будущую жизнь.

Ноги несут меня по Моховой улице. Московский шум об-

волакивает, словно через толстый слой ваты: гудки машин, обрывки чужих разговоров, далёкая музыка. Я прохожу мимо величественного Манежа, но мне уже всё равно. Красная площадь встречает привычной сутолокой и гулом голосов. Люди спешат по своим делам, а я бреду среди них, как призрака.

Я сворачиваю в Александровский сад. Сколько раз я представляла, как буду сидеть здесь весной на лавочке с конспектами, вдыхать запах цветущей сирени и любоваться красными стенами Кремля... Эта картинка грела меня долгие зимние вечера в моей крошечной комнате в Нефтегорске. Теперь она режет по живому, как нож.

Слёзы жгут глаза. Я смахиваю их рукавом, но они всё равно текут. Горячие, солёные, неостановимые. Ноги сами несут меня дальше — на Красную площадь.

Здесь я всегда покупала фирменное мороженое в ГУМе — сладкий вафельный стаканчик, который таял на языке. Каждый раз, когда приезжала в Москву, я клялась себе, что скоро буду делать это уже как студентка, как своя. Как девушка, у которой есть будущее в этом городе.

Сейчас от этой мысли становится только хуже. Грудь сжимает так, что трудно вдохнуть.

Я сворачиваю на Никольскую — одну из самых красивых улиц центра. Старинная брусчатка под кедами, уютные кофейни с плетёными стульчиками, фасады, украшенные иллюминацией. Здесь я мечтала назначать встречи с однокурсниками, болтать за чашкой капучино после пар, а по вечерам после удачных экзаменов забегать в сидрерию и отмечать с друзьями бокалом игристого. Всё это теперь никогда не случится.

Слёзы душат меня. Я иду, почти ничего не видя перед собой, и внезапно понимаю, что ноги сами привели меня на Лубянскую площадь.

Здесь я всегда любила забегать в «Детский мир» — бродить между яркими полками, смотреть на плюшевых медведей и втайне представлять, как когда-нибудь приведу сюда своих детей. А потом заходила в «Библио-Глобус», перебирала новинки по психологии и чувствовала себя уже почти студенткой.

Что теперь?

Только возвращение домой. В беспросветное провинциальное болото. В серость, скуку и ощущение, что жизнь прошла мимо.

Горло сжимает спазм. Я останавливаюсь посреди площади, замуриваюсь и больше не пытаюсь сдерживать рыдания. Слезы текут ручьями, плечи трясутся. Я одна в этом огромном, равнодушном городе. Совсем одна.

В какой-то момент ноги сами делают шаг. Потом ещё один. Я выхожу на проезжую часть, не открывая глаз, не видя ничего вокруг. В ушах только собственный всхлип и бешеный стук сердца.

Истошный визг тормозов разрывает воздух.

Что-то тяжёлое с силой врежется в меня, отбрасывая в сторону, как тряпичную куклу. Острая боль пронзает всё тело — от рёбер до колен. Я вскрикиваю и падаю на асфальт. Мир кружится. В ушах звенит.

Сквозь этот звон доносится яростный мужской голос:

— Твою мать! Ты что творишь, дура малолетняя?! Жить надоело — иди с крыши прыгай, но не смей под колёса бросаться! Из-за тебя, идиотки, чуть в аварию не влетел!

Надо мной нависает высокая мужская фигура, закрывая солнце. Я сощуриваюсь, пытаюсь сфокусировать взгляд

сквозь слёзы и боль.

Точёные скулы. Пронзительные синие глаза. Волевой подбородок. Он невероятно красив — как античный бог, сошедший с картинки. Но сейчас его идеальное лицо искажено чистой яростью.

Глава 2

Глава 2

Незнакомец хватает меня за плечи и начинает яростно трясти. Его сильные пальцы впиваются в кожу сквозь тонкую ткань футболки, а низкий голос гремит так громко, что у меня закладывает уши:

— Да я на тебя в суд подам! Будешь до конца жизни на меня работать, сучка!

В его глазах полыхает такая неистовая, первобытная ярость, что внутри у меня всё сжимается от настоящего, животного страха. Этот парень выглядит так, будто способен раздавить меня одним движением.

Дрожащей рукой я пытаюсь вытереть бесконечные слёзы, но новый, ещё более мощный приступ рыданий скручивает меня пополам. Я сворачиваюсь в маленький, жалкий комочек прямо на грязном асфальте, обхватываю колени руками и захлёбываюсь плачем. Горячие слёзы текут ручьями, смешиваясь с дорожной пылью.

У меня больше нет сил даже на то, чтобы испугаться

по-настоящему. Боль от удара машиной пульсирует в рёбрах, чудовищное отчаяние от несостоявшегося поступления и полная безысходность сдавливают грудь так сильно, что я едва могу сделать вдох. Воздух выходит короткими, прерывистыми всхлипами.

Незнакомец брезгливо отшатывается, глядя на меня сверху вниз с таким выражением, будто я — грязная бездомная шавка, которая посмела испачкать его идеальные дорогие ботинки. В его взгляде столько презрения и отвращения, что мне становится ещё хуже. «Сейчас он плюнет, развернётся и уйдёт, — мелькает в голове. — Оставит меня здесь одну подышать на дороге».

Но он не уходит.

Скривившись, словно от сильной зубной боли, он цедит сквозь стиснутые зубы:

— Чёрт с тобой... Вставай! Только попробуй мне здесь концы отдать — я тебя с того света достану! Быстро в машину, истеричка. В больницу поедem. МРТ будем делать, на сотрясение проверять. И только попробуй вякнуть!

Что-то в его голосе — в этой смеси раздражения и грубой заботы — заставляет меня поднять мокрые от слёз глаза. На

одно короткое мгновение в ледяной синеве его взгляда мелькает странное выражение. Не то удивление, не то проблеск человеческого сочувствия. Оно исчезает так быстро, что я почти уверена — мне просто показалось. Его лицо снова становится холодным и высокомерным.

Не слушая моих слабых, едва слышных протестов, он резко поднимает меня на ноги. Его хватка сильная, почти грубая, но в ней нет желания причинить мне дополнительную боль. Вокруг уже собралась небольшая толпа зевак — кто-то достаёт телефон, снимает, кто-то просто пялится с открытым ртом. Стыд обжигает щёки горячим пламенем.

Он распахивает дверцу огромного чёрного гелика — роскошного, как космический корабль среди обычных московских машин. Почти силой заталкивает меня внутрь, усаживает на сиденье, словно нашкодившего котёнка, и с громким хлопком захлопывает дверь.

На негнущихся ногах я забираюсь глубже в салон, дрожащими пальцами пристёгиваю ремень безопасности. Голова кружится, в висках стучит. Я обессиленно роняю лицо в ладони, пытаюсь спрятаться хотя бы от самой себя. Кожа сидений холодная и невероятно мягкая, в салоне витает дорогой запах — смесь натуральной кожи, дерева и тонкого мужского парфюма. Только сейчас, в этой тишине и безопасности,

до меня по-настоящему доходит, что произошло.

Я чудом осталась жива. Я буквально вышла под колёса. Ещё чуть-чуть — и всё могло закончиться здесь и сейчас. Эта мысль вызывает новый спазм в груди.

Подавив горестный всхлип, я медленно поднимаю голову. С водительского сиденья на меня сердито сверкают те самые пронзительно-синие глаза. Мой невольный спаситель смотрит на меня через зеркало заднего вида с откровенным раздражением.

— Ну что, героиня? — процедил он сквозь зубы, заводя мощный мотор, от которого слегка вибрирует весь салон. — Готова ответить за свои художества? Ничего, сейчас быстро узнаем, чем ты там нанюхалась-наглоталась. А там и полиция подъедет, побеседует с тобой по душам.

Я прижимаюсь горячим, пылающим лбом к прохладному стеклу окна. Москва плывёт мимо размытыми огнями и силуэтами зданий. Слезы продолжают тихо катиться по щекам, но теперь уже беззвучно, оставляя мокрые дорожки. Внутри всё смешалось в один удушающий, ядовитый коктейль: острая физическая боль, жгучее отчаяние от провала, животный страх перед неизвестностью и тяжёлый, липкий стыд за то, во что я превратилась.

Что ждёт меня впереди? Куда приведёт эта странная, страшная, совершенно абсурдная встреча с этим мужчиной?

Я не знаю. И сейчас у меня совсем нет сил об этом думать.

Несостоявшаяся студентка факультета психологии МГУ. Девушка, которую вышвырнули из списка зачисленных, как нашкодившую дворняжку. Истеричная дурочка, заливающая слезами и соплями салон чужого люксового автомобиля.

Горькая, кривая усмешка искривляет мои распухшие губы.

Пожалуй, ниже падать уже действительно некуда. Настоящее дно. Только здесь, в Москве, оно блестит кожей салона, пахнет дорогим парфюмом и стоит несколько миллионов.

Я медленно выпрямляюсь, расправляю плечи и тыльной стороной ладони решительно утираю последние предательские слёзы. Что бы ни ждало меня дальше — убежать от судьбы уже не получится. Значит, буду принимать её удары. Буду держаться. В конце концов, плыть по течению — это ещё не самое страшное, что может случиться с человеком.

Особенно если твой невольный «спасатель» хорош собой как Аполлон... и зол как сам чёрт.

Глава 3

Быстрый, как молния, чёрный гелик мчится по московским улицам, агрессивно лавируя в плотном потоке. За рулём сидит мой невольный «спаситель» — мрачный, как грозовая туча. Челюсть сжата так сильно, что на скулах играют желваки. Он бросает на меня быстрый, колючий взгляд через зеркало заднего вида и цедит сквозь зубы:

— Имя хоть скажешь, истеричка? Или мне так тебя и звать — «эй, ты»?

Я сглатываю ком в горле, пытаюсь унять предательскую дрожь в голосе. Горло саднит от слёз.

— Настя... Анастасия, — тихо выдавливаю я.

— Ясно, — он коротко кивает, не отрывая глаз от дороги. Помолчав несколько секунд, добавляет уже чуть мягче, почти через силу: — Ладно, Настя. Успокойся. Скоро всё закончится. Потерпи немного.

Легко ему говорить — «потерпи».

Когда внутри всё рвётся на мелкие кусочки от боли и отчаяния. Когда мечта, которую я вынашивала два года, только что разбилась вдребезги у входа в приёмную комиссию. Когда будущее, которое я себе нарисовала — лекции напротив Кремля, конспекты в Александровском саду, новая жизнь — превратилось в пепел. А настоящее выглядит как страшный, абсурдный сон, из которого я никак не могу проснуться.

Я только шмыгаю носом и отворачиваюсь к окну. Москва проносится мимо размытыми огнями и силуэтами высоток. Слёзы снова предательски наворачиваются на глаза, и я яростно моргаю, пытаюсь их прогнать.

Спустя примерно пятнадцать минут мы подлетаем к потрясающему современному зданию элитной частной клиники. Ещё до того, как машина полностью останавливается, сотрудник в безупречной форме уже распахивает двери холла, едва заведя роскошный внедорожник. Антон выскальзывает из машины и бросает мне через плечо:

— Вылезай давай. Пошли!

Он уверенной, властной походкой направляется к сияющим стеклянным дверям. Я на ватных, негнущихся ногах выбираюсь следом, обхватив себя руками за плечи. Всё тело ломит и пульсирует тупой, ноющей болью после удара. Коле-

ни горят огнём, голова раскалывается, в рёбрах при каждом вдохе стреляет. Меньше всего на свете мне сейчас хочется тащиться в эту дорогую больницу. Хочется только одного — добраться до своей съёмной комнатухи, упасть на продавленный диван и забыться тяжёлым, беспросветным сном.

— Антон Борисович, добрый день! Какими судьбами? — раздаётся профессионально-вежливый голос администратора.

Антон Борисович. У моего мучителя, оказывается, такое солидное, взрослое имя-отчество. Я невольно хмыкаю про себя, но тут же ловлю на себе его колющий, предупреждающий взгляд.

— Срочно нужен доктор Левин, — отрывисто бросает Антон. — Запишите девушку на полное обследование. Рентген, МРТ — в общем, по полной программе. Она попала в аварию. Из-за меня. Нужно убедиться, что всё в порядке.

Я опешиваю. Полное обследование? Да он серьёзно? Это же огромные деньги! Ещё полчаса назад он орал на меня матом и грозился судом, а теперь вдруг решил играть в благородного спасителя?

Но возражать я не смею. Что может сказать нищая про-

винциалка, которая угодила под колёса столичного мажора? Только стиснуть зубы и терпеть. Выбора у меня всё равно нет.

Следующие несколько часов превращаются в один сплошной мутный, выматывающий кошмар. Меня перетаскивают из кабинета в кабинет, просвечивают, обследуют, мнут и щупают со всех сторон. Я покорно выполняю все команды врачей: поднимаю руки, задерживаю дыхание, ложусь на холодные кушетки. В голове стоит густой туман. Я двигаюсь как сомнамбула, мечтая лишь об одном — чтобы этот бесконечный день наконец-то закончился.

Наконец меня приводят в небольшую смотровую комнату, усаживают на кушетку и оставляют одну. Сил не остаётся даже на страх. Я просто сижу, бессмысленно уставившись в белую стену. В голове — белый шум и звенящая пустота.

Через целую вечность в кабинет заходит миловидная медсестра средних лет.

— Ну что, красавица, держись, — подмигивает она мне. — Сейчас будет немного больно.

Я непонимающе хмурюсь. Больно? Куда уж больнее, чем сейчас...

Но когда она начинает обрабатывать мои разбитые в кровь колени, я не могу сдержать резкий вскрик. Жгучая боль пронзает кожу. Да уж, день определённо не задался. Мало того что меня не взяли в университет, так ещё и в аварию уго-раздило попасть, расквасить колени в кровь. Просто сказка.

— Ничего-ничего, милая, потерпи, — ласково приговаривает медсестра, ловко работая ватным тампоном. — До свадьбы заживёт, вот увидишь! Главное, что кости целы и серьёзных травм нет. Повезло тебе, девочка.

От слова «свадьба» меня будто полоснули острым ножом прямо по сердцу.

Из груди вырывается сдавленный, жалкий вскрип. Я зажимаю рот рукой, но это уже бесполезно. Плечи начинают трястись, слёзы брызжут из глаз горячим потоком.

— Какая... свадьба... — сквозь рыдания выдавливаю я. — Я же никто... Полное ничтожество... Мечтала стать психологом, а вместо этого...

Медсестра замирает с тампоном в руке, растерянно глядя на меня. А я уже не могу остановиться. Слова, слёзы и боль вырываются наружу мощным, неконтролируемым потоком.

— Теперь придётся возвращаться... В эту дыру... В Нефтегорск... Там мама уже со своим знакомым фермером меня сводит... Говорит, на ферме жена позарез нужна... А мне что делать? Всю жизнь в коровнике провести? Гнить заживо среди навоза и пустых бутылок?!

Я рыдаю уже в голос, трясусь всем телом, захлёбываюсь слезами и судорожными вздохами. Отчаяние, которое копилось во мне весь этот страшный день, наконец прорвало все плотины. Меня колотит крупной дрожью, перед глазами всё плывёт и кружится.

Где-то на краю сознания мелькает мысль, что это самая настоящая истерика. Но мне уже всё равно. Пусть накрывает с головой. Пусть поглощает целиком. Лишь бы хоть на минуту перестать чувствовать эту раздирающую, невыносимую боль и беспросветную тоску.

В какой-то момент дверь кабинета с грохотом распахивается.

Врывается Антон — взъерошенный, с покрасневшим лицом, в расстёгнутом пиджаке. Он выглядит почти таким же безумным, как и я. С порога он рывкает на медсестру:

— Что вы с ней делаете, чёрт возьми?! Вы врачи или садисты?! Почему пациентка ревёт белугой вместо того, чтобы спокойно проходить обследование?!

Глава 4

Не дожидаясь ответа, Антон в два стремительных шага пересекает комнату и склоняется надо мной так близко, что я чувствую тепло его дыхания и лёгкий, дорогой аромат парфюма, смешанный с чем-то острым — тревогой. На его надменном лице — неподдельное беспокойство, смешанное с самой настоящей паникой, которая делает эти пронзительные синие глаза почти уязвимыми.

— Настя? Настя, посмотри на меня! — голос его звучит хрипло, настойчиво, с ноткой отчаяния, которого я совсем не ожидала. — Что случилось? Тебе больно? Тошнит? Сильно ударилась? Так, быстро говори, что не так! Где рентген? Что врач сказал?

Он тормозит меня за плечи, лихорадочно вглядывается в моё зареванное, опухшее от слёз лицо. Его сильные пальцы впиваются в кожу, но в этом прикосновении уже нет злости — только отчаянное желание понять, что со мной творится. А я никак не могу успокоиться. Нервный срыв захлёстывает меня с головой, выворачивает наизнанку, заставляет всё тело трястись мелкой, неконтролируемой дрожью, как больного щенка, брошенного под холодным дождём. Горячие слёзы

текут неостановимо, горло сжимает железный спазм, и каждый вдох даётся с болью.

Господи, какой жгучий, невыносимый стыд! Разньюниться перед совершенно чужим человеком, закатить истерику, как последняя размазня! А он стоит так близко, смотрит на меня этими своими ледяными глазами, теперь полными тревоги, словно я вот-вот умру у него на руках прямо посреди его идеальной дорогой клиники. Почему всё так паршиво складывается именно сегодня? Почему жизнь решила добить меня именно сейчас, когда я и так лежу на дне?

Очередная мощная волна рыданий скручивает моё несчастное тело в тугой узел. Я обхватываю себя руками за плечи и начинаю раскачиваться вперёд-назад на жёсткой кушетке, словно пытаюсь укачать собственную боль. Мысли путаются, обрывки фраз вырываются изо рта сами собой, горькие, бессвязные:

— Мама... ферма... в институт не поступила... в коровнике жить... замуж за его друга... не хочу... пожалуйста, не хочу...

Ничего не понимающий Антон мечется рядом, как загнанный зверь. То резко подзывает медсестру, то осторожно, почти боязливо проводит большой тёплой ладонью по моей

спине — неловко, но искренне. В его глазах — смесь настоящего желания помочь и полной, растерянной беспомощности. Видно, что этот самоуверенный, богатый мужчина впервые в жизни не знает, что делать с рыдающей, сломленной девчонкой.

А у меня уже не осталось даже сил на слёзы. Я сижу съёжившись на кушетке, мелко вздрагиваю всем телом и смотрю в пустоту перед собой. Последние горячие капли медленно скатываются по щекам, но я их уже не чувствую. Всё тело стало тяжёлым, чужим, онемевшим.

Весь мир сузился до размеров этой маленькой, белой смотровой комнаты. За её пределами больше ничего нет — ни будущего, ни надежды, ни самой меня. Только гулкая, сводящая с ума пустота внутри груди. Холодная. Беспросветная. Бесконечная.

Даже встревоженный взгляд Антона, которым он прожигает мою макушку, кажется далёким и ненастоящим. Словно всё это происходит не со мной. Не здесь. Не сейчас.

Сознание начинает медленно уплывать. Мысли тяжёлые, вязкие, как грязное тряпье на дне мутной лужи. Сердце стучит глухо и безнадёжно, отдаваясь в ушах. Перед глазами колышется густая серая хмарь...

— Так, быстро все разошлись! Дайте пациентке воздух!
— громкий, уверенный голос с трудом пробивается сквозь пелену забывтья.

В комнату решительно входит седовласый мужчина в белом халате. Врач.

Он быстро окидывает взглядом мою скрюченную фигуру, берёт меня за запястье, проверяет пульс. Хмурится. Потом подносит к моему лицу маленькую ампулу. Резкий, едкий запах нашатыря ударяет в нос, на секунду прочищая голову.

— Нервный срыв налицо, — жёстко констатирует он. — Немедленно десять кубиков седативного и в палату под капельницу. Обследование продолжим завтра. А сейчас всем выйти из кабинета, не волновать больную!

Краем угасающего сознания я замечаю, как Антон резко дёргается вперёд, явно собираясь возразить. Но строгий, не терпящий возражений взгляд врача останавливает его на полпути.

— Подождите в приёмной, молодой человек. Я понимаю ваше беспокойство, но девушке сейчас необходим полный покой. Я позову вас, когда её переведут в палату.

Последнее, что я успеваю услышать перед тем, как провалиться в спасительную темноту — это тяжёлый, обречённый вздох Антона и его низкий, неожиданно взволнованный голос:

— Ладно, доктор... Как скажете. Только держите меня в курсе, ради бога. Я за неё отвечаю.

«Отвечает? С чего вдруг?.. Ему-то какое до меня дело?» — вяло шевелится последняя мысль где-то в глубине угасающего сознания.

Но додумать её я уже не успеваю. Серый туман становится всё гуще, мир мягко кружится и окончательно проваливается в густую, тёплую, спасительную черноту.

Глава 5

Утро встречает меня мягкими, тёплыми солнечными лучами, которые пробиваются сквозь жалюзи, и тихим, ритмичным пиканьем медицинской аппаратуры. Я медленно открываю глаза, пытаюсь понять, где нахожусь. Белоснежные стены, стерильная чистота, лёгкий гул кондиционера... Точно, клиника.

Память возвращается мгновенно и бьёт под дых. Вчерашний кошмар обрушивается на меня всей тяжестью: как я вышла под машину, как рыдала на асфальте, как закатила самую настоящую истерику прямо на глазах у Антона и всего персонала. Господи, какой жгучий, невыносимый стыд! Щеки мгновенно вспыхивают огнём. Я со стоном зарываюсь лицом в подушку, мечтая провалиться сквозь землю и никогда больше не показываться никому на глаза.

Но тут в палату тихо wpłyвает улыбчивая медсестра с подносом в руках.

— С добрым утром, Анастасия! — весело говорит она. — Ну как мы себя чувствуем? Вот, позавтракайте пока, а потом и врач подойдёт, и ваш друг обещал заглянуть.

Друг? У меня внутри всё сжимается. Ах да... Антон. Интересно, зачем ему сюда возвращаться? Вряд ли из-за искреннего сочувствия. Скорее всего, хочет убедиться, что вчерашняя авария не доставит ему никаких юридических проблем.

Есть совсем не хочется, но аппетитные ароматы свежих сырников, тёплого хлеба и сладкого какао щекочут ноздри. Желудок предательски урчит. Я нехотя беру вилку и отправляю в рот кусочек нежного сырника со сметаной. Вкус взрывается на языке — кремовый, сладковатый, идеальный. На секунду даже становится чуть легче.

Именно в этот момент в палату бесцеремонно входит Антон.

Он окидывает хмурым взглядом мой поднос, хмыкает и опускается на стул рядом с кроватью, широко расставив длинные ноги.

— Я рад, что твоё психическое здоровье не пострадало, — проворчал он. — Как и аппетит, кстати. Ладно, докладывай: как самочувствие? Голова не кружится? Тошноты нет?

Я неопределённо пожимаю плечами. Что я могу ему отве-

тить? Что моя жизнь закончилась вчера у приёмной комиссии? Что все мечты разбились вдребезги? Что будущее превратилось в густой, непроглядный туман? Вряд ли его это действительно интересует.

Но Антон, похоже, и не ждёт подробного ответа. Он подаётся вперёд и буравит меня тяжёлым, требовательным взглядом.

— Так, плакса, внимание сюда. Мне ещё по больницам тебя таскать совсем не улыбается. Выписывают тебя сегодня. И что дальше? Куда ты собралась? Где жить будешь?

Я отвожу глаза, пряча внезапно навернувшиеся слёзы. Горло мгновенно сжимается.

— Не знаю... — шепчу я. — Мне теперь некуда идти. Я не поступила, а в общежитие пускают только студентов. Так что... заберу вещи и... дальше не знаю.

Голос предательски дрожит. Я со злостью стискиваю зубы, пытаюсь удержать рвущиеся наружу рыдания. Тоска по той жизни, которой у меня никогда не будет, накрывает с новой, сокрушительной силой.

Антон раздражённо закатывает глаза.

— Час от часу не легче. И что, даже домой вернуться не вариант? Родители-то, небось, с ума сходят, переживают.

Домой?

Слово бьёт меня, как пощёчина.

Истерика накрывает мгновенно, словно ледяная штормовая волна. Слезы брызжут из глаз, дыхание перехватывает, грудь сдавливает железным обручем.

— Нет! — выкрикиваю я, сгибаясь пополам. — Нет, пожалуйста, только не домой! Я не могу... я не хочу! Лучше сразу умереть!

Перепуганный Антон вскакивает на ноги, мечется по палате, не зная, что делать. К счастью, на его громкий зов почти сразу прибегает медсестра. Она всплёскивает руками, быстро достаёт ампулу, набирает шприц и ловко вкалывает мне в плечо.

Лекарство действует почти мгновенно. Рыдания затихают, тело окутывает мягкая, тёплая вата. В голове становится легко, пусто и спокойно — слишком спокойно. Я откидываюсь на подушки и бессмысленно смотрю в потолок.

— Молодой человек, ну что же вы! — укоризненно качает головой медсестра. — Девочка только начала приходить в себя, ей нужен покой! Идите пока в коридор, подождите.

Антон раздражённо машет рукой и почти выбегает из палаты, гневно сверкнув на прощание синими глазами.

Через несколько часов меня, напичканную лекарствами и увешанную рекомендациями, выписывают под расписку об обязательном постельном режиме. Антон стоит у стойки регистрации мрачной, тяжёлой тучей.

— Ну что, пострадавшая, — цедит он, скрестив руки на груди. — Куда тебя везти прикажешь?

Я только тяжело вздыхаю. Закидываю на плечо свой потрепанный рюкзачок с жалкими пожитками и молча плетусь за ним к выходу. Сажусь в роскошную машину, под которой чуть было не окончила свои дни и мы куда-то едем.

Понятия не имею куда. Даже боюсь спрашивать. Лишь бы дорога подольше не кончалась.

Но — увы.

Антон останавливает машину у какого-то парка рядом с рекой. Тут красиво. Можно было бы гулять осенью, когда все

вокруг устилают разноцветные листья.

Только не судьба, и я уеду из Москвы, даже не узнав, как называется эта речка.

— Пойдем прогуляемся, — говорит Антон и обходит машину, чтобы открыть мне дверцу.

На всякий случай беру с собой рюкзак.

Не привыкла оставлять свои вещи в чужих местах.

Мы бредем вдоль парка, любуясь его зеленью и останавливаемся на мостике над рекой.

Антон нервно барабанит пальцами по металлическим перилам, глядя на тёмную, пенящуюся воду внизу. Потом резко разворачивается ко мне.

— Так, Настя. Давай начистоту. Откуда ты вообще? Какой город? И паспорт, надеюсь, при себе?

Я устало киваю и лезу в рюкзак. Достаю потрёпанную красную книжицу. Просто смотрю на неё несколько секунд. Внутри всё сжимается от одной мысли, что скоро мне придётся вернуться в эту глушь, в серость, в безнадёжность...

В висках начинает стучать бешеная, бессильная ярость. Да пошло оно всё!

Я размахиваюсь и со всей силы швыряю паспорт в реку. Алая книжица красиво кувыркается в воздухе и с тихим, почти насмешливым плеском исчезает в тёмной воде.

— Нет у меня больше паспорта! — кричу я сорванным голосом. — И не нужен он мне! Лучше сдохну, чем домой вернусь!

Антон замирает с открытым ртом. Несколько долгих секунд он ошарашенно смотрит на круги, расходящиеся по воде. Потом медленно поворачивается ко мне. Его лицо искажается от ярости.

— Ты совсем долбанулась, дура?! — орёт он. — Ты хоть понимаешь, что наделала?! Как ты теперь без документов будешь жить?! Вот же клиническая идиотка!

Я сжимаюсь в комок, ожидая удара или того, что он просто развернётся и уйдёт. Но вместо этого Антон внезапно хватает меня за шиворот куртки и рычит прямо в лицо, почти касаясь своим дыханием моих губ:

— Ладно... чёрт с тобой! Домой не хочешь — не надо. Но ночевать тебе где-то надо? Отлично. Сейчас едем ко мне. Перекантуешься в гостевой комнате. А завтра будем думать, что с тобой делать. Ясно?!

Не дожидаясь моего ответа, он резко дёргает меня за руку и почти силой тащит к своей машине. Я бреду следом, спотыкаясь и тихо всхлипывая. Сил спорить уже нет. Да и смысла нет.

Антон молча заталкивает меня на пассажирское сиденье, с силой захлопывает дверь и заводит мотор. Мощный джип срывается с места, унося нас в неизвестность.

А я сижу, бездумно глядя в окно, и вяло думаю: за какие такие грехи мне досталась эта сумасшедшая судьба? Мало было броситься под колёса — так теперь я ещё и оказалась в руках красивого, богатого и совершенно бешеного мужчины, который почему-то решил меня не бросать.

Глава 6

Джип резко тормозит у высоченного стеклянного небоскрёба в самом сердце Москвы, где огни вечернего города отражаются в фасаде, как в зеркале. Я всё ещё сижу, вжавшись в тёплое кожаное сиденье, которое пахнет дорогой кожей, лёгким цитрусовым ароматом освежителя и его парфюмом — свежим, древесным, с ноткой мускуса. Руки дрожат на коленях, пальцы впиваются в ткань джинсов. Сердце колотится так громко, что заглушает даже гул мощного мотора. Что я творю? Еду домой к человеку, которого знаю меньше суток? К тому, кто сначала орал на меня, а теперь... везёт к себе?

Антон молча выходит, обходит машину и открывает мне дверь. Его ладонь — горячая, уверенная — слегка касается моего локтя, помогая выбраться. Ноги подкашиваются от усталости и нервов, асфальт под кедами кажется слишком твёрдым после мягкого салона.

— Пошли, — бурчит он, не глядя на меня, и направляется к стеклянным дверям.

Консьерж в чёрном костюме кивает ему как старому зна-

комому:

— Добрый вечер, Антон Борисович.

Мы проходим через огромный холл с мраморными полами, где каждый шаг отдаётся лёгким эхом. Тонкий запах, исходящий от огромных ваз с белыми орхидеями щекошет ноздри. Лифт — отдельный, с золотыми панелями — открывается бесшумно. Антон проводит карточкой, и кабина взмывает вверх так быстро, что у меня закладывает уши. Я хватаюсь за холодную хромированную стену, чтобы не упасть. В зеркале напротив вижу своё отражение: растрёпанные волосы, красные от слёз глаза, дешёвый рюкзачок на одном плече. Рядом с ним — высокий, широкоплечий Антон в идеально сидящем пиджаке. Контраст режет глаза.

Двери лифта разъезжаются прямо в квартиру — и я замираю на пороге, будто меня ударили под дых.

Это не квартира. Это мечта. Огромное пространство — метров двести, не меньше — открывается передо мной, как кадр из фильма про миллионеров. Полы из тёмного дуба с подогревом, тёплые даже сквозь подошвы кед. Стены — белые, с акцентными панелями из чёрного дерева и матового металла. Потолки — высоченные, с встроенной подсветкой, которая льёт мягкий золотистый свет. А панорамные окна от

пола до потолка... Москва лежит внизу, как на ладони: мерцающие огни Кремля, изгиб реки, бесконечные огни пробок. Ночь уже опустилась, и весь город сияет, как россыпь бриллиантов.

— О боже... — шепчу я, и голос предательски дрожит.

Антон скидывает кроссовки у двери — чёрные, явно лимитированные, с золотой подошвой. Я неловко снимаю свои потрёпанные кеды, ставлю их рядом — они выглядят как нищие гости на королевском балу. Пол под ногами тёплый, гладкий, и я невольно шевелю пальцами, наслаждаясь непривычным комфортом.

Он проходит вперёд, включает свет жестом — умный дом реагирует мгновенно, мягко зажигая скрытые лампы. Гостиная — огромный диван из чёрной кожи, такой мягкий, что хочется утонуть в нём навсегда. На стене — телевизор размером с киноэкран, под ним — игровая консоль, аккуратная стопка дисков и VR-шлем, небрежно брошенный на полку. Рядом — барная стойка с подсветкой, бутылки виски и коньяка поблёскивают в хрустальных графинах. Запах — лёгкий, дорогой: смесь кожи мебели, свежего кофе из встроенной кофемашины и едва уловимого аромата мужского геля для душа из ванной.

Кухня — мечта любой девушки: остров из белого мрамора с прожилками серого, стальные поверхности, огромный холодильник, который тихо гудит. На столе — ваза с ярко-красными яблоками, будто кто-то специально поставил для уюта. За стеклянной перегородкой — мини-спортзал: беговая дорожка, гантели, боксёрская груша. Всё чисто, стильно, но с лёгким беспорядком: на диване валяется толстовка с капюшоном, на журнальном столике — недопитый стакан колы и пульт. Живое. Мужское. Двадцать с небольшим, богатый, свободный — именно так и должна выглядеть квартира мажора, который может себе позволить всё.

Я делаю шаг вперёд, и пол скрипит под ногой едва слышно. Руки сами тянутся коснуться прохладного мрамора кухонного острова — гладкий, идеально отполированный, холодит ладони. Глаза щиплет. Слёзы снова накатывают — не от горя, а от какого-то дикого, щемящего контраста. У меня дома — крошечная комнатуха с обоями в цветочек, продавленным диваном и запахом соседского борща. А здесь... здесь пахнет деньгами, свободой, жизнью, о которой я даже не мечтала. Сердце сжимается от стыда: я в грязных джинсах после больницы, с растрёпанными волосами, а вокруг — совершенство. Чувствую себя пылинкой на этом идеальном ковре кремового цвета, мягком, как облако.

Антон молча ведёт меня по коридору. Стены украшены

чёрно-белыми фото Москвы — ночные виды, такие же, как за окнами. Он открывает дверь в гостевую комнату, и я снова замираю.

Большая кровать king-size с белоснежным бельём, которое выглядит как шёлк — прохладное, скользкое на ощупь, когда я робко провожу пальцами по краю. Рядом — тумбочка с зарядкой, лампа с тёплым светом. Окно во всю стену, шторы автоматические. Ванная примыкает — мраморная, с дождевым душем, огромной ванной-джакузи и пушистыми белыми полотенцами, сложенными горкой. На полке — новые зубная щётка, паста, даже мини-флакон геля для душа с ароматом ванили и сандала. Всё приготовлено. Для меня?

Слёзы наконец прорываются — горячие, тихие. Я стою посреди этой роскоши, обхватив себя руками, и чувствую, как внутри всё дрожит: страх, благодарность, смущение, лёгкая, почти запретная радость. Это сон. Сейчас проснусь — и снова в своей конуре, с мамой, которая орёт про замужество. Но запах свежих полотенец, тёплый пол под ногами, вид на огни города — всё слишком настоящее. Сердце щемит так сладко и больно одновременно, что хочется засмеяться и заплакать в один момент.

Антон стоит в дверях, скрестив руки на груди, и смотрит на меня чуть мягче, чем раньше. Синие глаза уже не колющие

— усталые, но тёплые.

— Поживёшь у меня пока, пока не восстановишь свой паспорт и не придумаешь, что делать дальше, — говорит он низким, чуть хриплым голосом.

Глава 7

Ночь обволакивает квартиру густым, тёплым бархатом, но сон бежит от меня, как испуганный котёнок. Я лежу в огромной гостевой кровати, под одеялом, которое пахнет свежей лавандой и едва уловимой ноткой дорогого кондиционера для белья. Ткань скользит по голым ногам прохладными шелковистыми волнами, подушка обнимает щёку мягко, почти нежно, но внутри меня всё дрожит. Сердце колотится, как пойманная птичка в клетке рёбер, и я не могу перестать прислушиваться.

За закрытой дверью гостевой спальни — его жизнь. Я затаиваю дыхание, и звуки проникают сквозь стену тонкими, живыми нитями. Сначала — резкие, электронные взрывы из приставки: «Бах! Бум!» — и его низкий, довольный смех, от которого у меня по спине бегут мурашки. «Да ладно, бро, ты опять меня уделал!» — доносится приглушённо, но ясно. Потом — голоса друзей по видеозвонку, громкие шутки, взрывы хохота, лёгкий матерок, который звучит у него так естественно, по-мужски. Я представляю, как он сидит на своём огромном чёрном диване, в той же толстовке с капюшоном, что валялась днём, пальцы быстро бегают по геймпаду, синие глаза горят азартом. Почему он не заходит ко мне?

Не стучит в дверь? Не пользуется тем, что я здесь, одна, в его доме, беззащитная, после всего, что было?

Страх и странное, жгучее разочарование перемешиваются внутри, как горький коктейль. Он что, не такой, как я думала? Не хищник в дорогом костюме? Или я просто... не в его вкусе? Эта мысль царапает сердце острым коготком. Я сворачиваюсь калачиком под одеялом, прижимаю колени к груди, чувствую, как простыня мнётся под пальцами. Запах его квартиры — лёгкий, древесный, с ноткой кожи и кофе — витает в воздухе, и от этого мне ещё тревожнее. Я жду. Жду шага к двери, скрипа петель, его голоса: «Настя...» Но ничего. Только сериал включается позже — напряжённая музыка, диалоги героев, взрывы смеха из зала. Он смотрит что-то лёгкое, судя по звукам, может, комедию. Часы на тумбочке светятся мягким голубым — уже полвторого. Я лежу с открытыми глазами, глядя в потолок, где едва заметно мерцает подсветка. Грудь сжимает тоска: он рядом, так близко, а между нами — целая стена из его обычной жизни, в которой мне нет места. Ни капли.

Наконец, около трёх, звуки стихают. Щёлкает выключатель, шаги по тёплому полу — босые, тяжёлые. Дверь его спальни закрывается с тихим щелчком. Я выдыхаю, и только тогда веки тяжелеют. Сон накрывает меня тяжёлым, тёплым одеялом, и я проваливаюсь в него следом за ним.

Утро приходит рано, ещё до того, как солнце полностью разгонит серый рассвет за панорамными окнами. Я просыпаюсь от звука его будильника — мягкого, но настойчивого. Шесть утра. Слышу, как он встаёт, бормочет что-то недовольное, идёт в душ. Вода включается — мощная, шумная, как водопад. Пар скоро начнёт просачиваться под дверь, и я представляю его там: широкие плечи под горячими струями, капли на коже, запах мятного геля для душа, который вчера стоял в ванной.

Сердце вдруг сжимается от нежной, почти болезненной благодарности. Он дал мне крышу над головой, не спросил ничего взамен. Я могу хотя бы отблагодарить. Тихо, на цыпочках, я встаю, босые ноги касаются тёплого дубового пола — гладкого, приятного, как шёлк. Надеваю вчерашнюю футболку и шорты, которые он дал мне из своих вещей — они огромные, пахнут его стиральным порошком и им самим. В кухне ещё полумрак, но я включаю мягкий свет над островом — золотистый, уютный.

Руки дрожат от волнения, но я улыбаюсь сама себе. Яичница — простая, но вкусная. Разбиваю яйца в миску — ярко-жёлтые желтки блестят, как маленькие солнца. На сковороде — кусочек сливочного масла, оно шипит, тает, наполняя кухню нежным, сливочным ароматом. Яичница золотит-

ся, края поджариваются хрустящей корочкой. Кофе на плите — настоящий, в турке, который я нашла в шкафу. Чёрный, густой, запах поднимается густой волной — горьковатый, манящий, с лёгкой шоколадной ноткой. Тосты выскакивают из тостера с весёлым «динь!», я намазываю их маслом, кладу тонкие ломтики сыра — он плавится, тянется золотыми нитями, пахнет сливочно и солоновато. Всё выглядит так мило: тарелка на белой салфетке, вилка аккуратно сбоку, кружка с кофе дымится. Я даже ставлю рядом яблоко из вазы — красное, блестящее, как подарок. Гордость разливается по груди тёплой волной. Я могу быть полезной. Не обузой. Не истеричкой. Просто девочкой, которая умеет готовить завтрак.

Вода в душе стихает. Я быстро вытираю руки о фартук, который нашла на крючке, и стою у плиты, сердце бьётся часто-часто, как крылья бабочки. Дверь ванной открывается — и вот он. Волосы мокрые, тёмные пряди падают на лоб, капли блестят на широких плечах, на груди, стекают по рельефному прессу. На нём только белое полотенце на бёдрах, и от него веет свежим, мятным паром и чистотой. Кожа ещё розовая от горячей воды. Он выглядит... невероятно. Мой взгляд невольно скользит, щёки вспыхивают.

Но его лицо меняется в одну секунду. Он смотрит на плиту, на тарелку, на крошки, которые я не успела подмести, на

коричневые брызги кофе, которые случайно капнули на белоснежную поверхность.

— Ты что наделала?! — орёт он вдруг так громко, что я вздрагиваю всем телом. Голос режет, как нож. — Я ненавижу яичницу! По утрам только овсянка, ясно?! А это что? — он машет рукой на плиту. — Кофе везде, крошки от тостов по всему острову! Ты вообще видела, как здесь было чисто?!

Я стою, как замороженная, вилка в руке дрожит. Гордость мгновенно рассыпается, как песочный замок под волной. Глаза жжёт, горло сжимает.

— Я... я хотела... — шепчу я, но голос ломается.

— Хотела? — он хватается полотенце с вешалки, вытирает руки резко. — Не надо мне ничего хотеть! Я не просил тебя лезть на мою кухню и устраивать бардак!

Он разворачивается, хлопает дверью своей спальни так, что стены вздрагивают, потом — входной дверью. Громко. Зло. Шаги по коридору затихают в лифте.

Я остаюсь одна посреди кухни. Запах яичницы и кофе теперь кажется приторным, удушливым. Крошки на мраморе блестят, как осколки моего глупого порыва. Слёзы брызжут

мгновенно — горячие, солёные, неудержимые. Я сползаю по шкафчику на пол, обхватываю колени руками, и рыдания вырываются наружу, сотрясая всё тело. Плечи трясутся, дыхание сбивается. За что? Я всего лишь хотела быть хорошей... А он... он снова увидел во мне только обузу. Глупую провинциалку, которая ничего не умеет правильно. Слёзы каплют, оставляя тёмные пятна на его футболке. Мир сжимается до этой кухни, до запаха остывшего кофе и крошек под ногами. Я плачу тихо, безнадёжно, уткнувшись лицом в ладони, и чувствую, как внутри всё рвётся на мелкие, острые кусочки.

Глава 8

Я стою на коленях перед мраморным островом, и губка в моей руке уже почти стёрлась от усердия. Кухня блестит, как в журнале: ни единой крошки, ни капли кофе, ни пятнышка жира на плите. Я протёрла каждую поверхность — белый мрамор теперь холодный и гладкий под пальцами, как лёд, который только что достали из морозилки. Запах средства для мытья — лёгкий, лимонный, свежий — висит в воздухе, смешиваясь с остатками запаха кофе. Я вытираю пот со лба тыльной стороной ладони, и руки дрожат не то от усталости, не то от страха. Всё идеально. Но теперь я боюсь даже дышать.

Каждый раз, когда я случайно задеваю край стакана или касаюсь дверцы шкафа, сердце подпрыгивает. Что, если оставлю след? Что, если снова разозлю его? Я отхожу на шаг, смотрю на свою работу и чувствую странную смесь гордости и паники. Кухня теперь как музей — красивая, дорогая, чужая. Я не решаюсь даже налить себе воды: вдруг капну на пол? Сажусь на высокий барный стул, поджимаю ноги, обхватываю колени руками. Ткань его футболки мягко касается кожи, но внутри меня всё сжимается в тугую, холодную узел.

День тянется медленно, как густой мёд. Я брожу по квартире босиком — пол тёплый, дубовый, каждый шаг отдаётся тихим шорохом. Солнечные лучи пробиваются сквозь огромные окна, рисуют золотые квадраты на полу, играют на чёрной коже дивана. Я сажусь на край, провожу пальцем по шву — мягко, дорого. Но мысли не дают покоя. Я в Москве. Осталась. Не поехала домой, не вернулась в ту серую дыру с коровами и мамиными уговорами. Но что дальше? Без паспорта, без денег, без университета. Я смотрю на свой рюкзачок в углу — потрёпанный, с выцветшей лямкой — и внутри всё ноет. Мечта о психологе, лекциях, новой жизни — она всё ещё теплится где-то глубоко, как слабый огонёк свечи на ветру. А если задуть? Что тогда?

Я встаю, подхожу к окну. Москва внизу шумит приглушённо: далёкий гул машин, сирена где-то далеко, звон трамвая. Воздух в квартире чистый, прохладный от кондиционера, с лёгким ароматом его парфюма, который остался после ухода Антона. Я прижимаюсь лбом к стеклу — холодное, гладкое, и от этого по спине бегут мурашки. Слезы наворачиваются, но я моргаю их прочь. «Ты справишься, Настя, — шепчу я себе. — Ты уже здесь. В этой сказке. Пусть даже на одну ночь». Но день тянется, часы на стене тикают мягко, и к вечеру я уже совсем вымотана от этих мыслей. Сажусь на диван, сворачиваюсь клубочком, обнимаю подушку — она

пахнет чем-то, древесным и свежим. Глаза закрываются сами, но сон не приходит — только тревога.

Вечером, когда за окнами уже горят огни небоскрёбов, как россыпь драгоценных камней, щёлкает замок входной двери. Я вздрагиваю, вскакиваю. Антон входит — усталый, в чёрной куртке, с пакетом в руках. От него пахнет улицей, холодным осенним ветром и чем-то острым, пряным. Он ставит пакет на стол, и я слышу шорох картонных коробочек.

— Настя! — зовёт он, не повышая голоса, но достаточно громко, чтобы эхо прошло по квартире. — Ужинать давай. Китайскую лапшу принес.

Я выхожу из гостевой, сердце колотится, как сумасшедшее. Китайская лапша? В коробочках? Я видела такое только в сериалах — там всегда красивые девушки в пижамах едят палочками из белых коробок, а за окном ночной Нью-Йорк. А теперь... это здесь. У меня. Запах пробивается сразу: острый соевый соус, жареный чеснок, кунжут, сладковатый имбирь. Коробочки белые, с красными иероглифами, крышки слегка приоткрыты, пар поднимается тонкими струйками. Внутри — золотистая лапша, кусочки курицы в глянцевом соусе, ярко-зелёный брокколи, морковь оранжевыми ломтиками. Всё выглядит так аппетитно, так... по-взрослому, по-московски.

— Ого... — выдыхаю я, и голос мой дрожит от чистого, детского восторга. Глаза округляются, я подхожу ближе, не веря. — Это... настоящая? Как в «Друзьях»? Или в том сериале про девушек в Нью-Йорке? С палочками? Можно попробовать?

Я тянусь рукой, пальцы дрожат от волнения. Щёки горят, улыбка сама расплзается по лицу — глупая, широкая, наивная. Внутри всё трепещет: радость, удивление, лёгкий стыд за то, что я веду себя как ребёнок в цирке. Но это же чудо! После всей этой серости, после коровника в мечтах — я здесь, с китайской едой из коробки.

Антон смотрит на меня и усмехается — снисходительно, уголком губ, как взрослый на восторг малыша, который впервые увидел радугу. Синие глаза теплеют, но в них мелькает что-то покровительственное, почти жалостливое. Он качает головой, достаёт палочки из пакета, протягивает мне.

— Да ладно тебе, — говорит он мягче, чем утром, но всё равно с этой ноткой «ну-ну, провинциалка». — Это обычная лапша из доставки за углом. Не Голливуд. Ешь давай, пока не остыла. Ты же голодная, наверное, целый день сидела.

Он садится за барную стойку, открывает свою коробку, и

запах усиливается. Я беру палочки неловко — они скользят в пальцах, но я стараюсь. Первая порция лапши — горячая, пряная, соус обволакивает язык, кунжут хрустит на зубах. Вкус взрывается: солёный, сладкий, острый одновременно. Я жмущусь от удовольствия, и слёзы счастья — настоящие, глупые — наворачиваются на глаза.

Антон смотрит ещё секунду, усмешка становится шире, но мягче. Он качает головой, словно думает: «Какая же ты смешная». Потом откидывается на стуле, берёт свою порцию.

— Ладно, Настя, — говорит он уже серьёзнее, когда мы доедаем. — Давай начистоту. Какой у тебя план? Что дальше делать собираешься?

Вопрос падает, как тяжёлый камень в тихую воду. Восторг гаснет мгновенно. Я опускаю палочки, смотрю в свою почти пустую коробочку. Яркие цвета еды вдруг тускнеют. Плечи опускаются, улыбка сползает с лица, как осенний лист. Внутри всё холодеет — та самая тоска возвращается, тяжёлая, серая, беспросветная. План? Какой план, когда всё рухнуло? Я сглатываю ком в горле, пальцы сжимают край коробки так, что картон мнётся.

Мир снова сжимается до этой кухни, до запаха остываю-

щей лапши и его взгляда — уже не снисходительного, а выжидающего.

Глава 9

Вопрос Антона повисает в воздухе, тяжёлый, как мокрое полотенце, которое никто не спешит убрать. Я сижу за барной стойкой, пальцы судорожно сжимают палочки, а лапша в коробочке уже остыла и стала сероватой, как мои мысли. Запах соевого соуса ещё витает, пряный, чуть сладковатый, но теперь он кажется слишком резким, почти удушливым. Что ему ответить? Какой план? У меня в голове — пустота, белая, как свежий снег, в который я только что вляпалась по колено. Я выкинула паспорт в реку, как последняя дура, и теперь даже не знаю, с чего начать. Стыд жжёт щёки горячим румянцем, сердце стучит глухо, отдаваясь в ушах.

Антон не торопит. Он откидывается на стуле, скрещивает руки на груди, и синие глаза смотрят на меня спокойно, но цепко — как у человека, который привык решать проблемы по пунктам.

— Ладно, давай по порядку, — говорит он ровным, деловым тоном. — Ты поступала в универ? На психолога, кажется? Значит, пересдача в следующем году? Как готовишься? Материалы есть? Расписание составила?

Я мотаю головой, глядя в стол. Мрамор холодный под локтями, гладкий, и от этого мне ещё холоднее внутри.

— Нет... — шепчу я еле слышно. — Я... я только приехала. Думала, поступлю с первого раза... А теперь...

Он кивает, не перебивая, и продолжает, будто составляет список в голове:

— Паспорт. Восстановить можно. Но нужно заявление, фото, справки. Сколько у тебя денег на это? Где будешь жить, пока документы делают? И вообще, что дальше? Работа? Учёба? Или просто... сидишь и ждёшь, пока всё само решится?

Каждый вопрос бьёт, как маленький камешек в грудь. Я краснею всё сильнее — щёки горят, уши пылают, пальцы терпят край футболки, которая всё ещё пахнет его стиральным порошком. Я понимаю, что должна съехать. Понимаю, что не могу висеть на нём, как тяжёлая сумка на плече. Но слова застревают в горле, как комок ваты. Я теряюсь, мнусь, голос дрожит:

— Я... я понимаю, что мне надо съехать... — бормочу я, опуская глаза. — Ты и так столько для меня сделал... Я не хотела... Я просто... не знаю, как теперь. У меня правда нет

плана. Совсем. Я дура, да? Выкинула паспорт... как будто это поможет...

Голос срывается, и я прикусываю губу, чтобы не заплакать прямо здесь, над остывшей лапшой. Слёзы уже стоят в глазах, горячие, предательские. Я чувствую себя маленькой, глупой провинциалкой, которая забралась в чужой сказочный дом и теперь не знает, куда деться.

Антон вздыхает — тяжело, но не зло. Он проводит рукой по мокрым после душа волосам, и от этого движения в воздухе снова веет свежим мятным ароматом его геля. Потом смотрит на меня уже мягче, почти по-человечески.

— Слушай, Настя... Я не могу выкинуть тебя на улицу, как бродячего котёнка. Ты же не виновата, что жизнь так повернулась. И я тоже не святой, но бросить девчонку без документов и без крыши над головой... нет, не мой стиль.

Он подаётся вперёд, ставит локти на стойку, и я чувствую тепло его тела даже на расстоянии. Голос становится твёрдым, но справедливым:

— Вот мой план. Паспорт восстановим через мои знакомства — быстро, без очередей, за пару дней. Готовиться к экзаменам будешь сама, я не нянька и не репетитор. Я буду

тебя кормить, ты можешь жить здесь, в гостевой. Но если хочешь гламурной московской жизни — клубы, шмотки, ту-совки, — то зарабатывай сама. Я не спонсор и не банкомат.

Слова падают на меня, как тёплый дождь после грозы. Я поднимаю глаза, испуганная и смущённая до дрожи. Сердце колотится так, что, кажется, слышно на всю квартиру. Жить здесь? Он серьёзно? Радость вспыхивает внутри яркой искоркой, но сразу гаснет страхом: а вдруг я опять всё испорчу? Вдруг он передумает? Руки холодеют, я сжимаю их между коленями, ткань шорт мнётся под пальцами.

— Я... я не хочу никакого гламура, — выпаливаю я быстро, почти умоляюще. Голос дрожит, но я смотрю ему прямо в глаза, чтобы он поверил. — Клубы, магазины... это всё не моё. Я вообще не такая. Мне бы просто... учиться. И не возвращаться домой. Пожалуйста...

Антон смотрит на меня строго, прищурившись. Синие глаза становятся тёмными, как ночное небо за окном. Он откидывается назад, скрещивает руки, и в голосе появляется металл:

— Тогда что тебя интересует, Настя? По-настоящему. Скажи.

Вопрос повисает между нами, как тонкая нить, готовая порваться. Я сижу, не дыша, чувствуя, как по спине бегут мурашки, а в груди — целая буря: страх, надежда, стыд, благодарность. Запах остывшей лапши смешивается с его парфюмом, огни Москвы за окном мерцают золотом и рубином, а я не знаю, куда деть глаза. Что мне ответить? Что интересует меня по-настоящему?

Глава 10

Я сижу за барной стойкой, пальцы всё ещё сжимают картонную коробочку с остывшей лапшой — она уже не пахнет пряным соусом, а просто острым напоминанием о том, как быстро всё меняется. В груди — целая буря: страх, что я скажу не то, и внезапная, сладкая волна, которая поднимается откуда-то из самого сердца. Что меня интересует? По-настоящему? Слова сами вырываются, тихие сначала, но потом всё быстрее, как река, прорвавшая плотину после долгой зимы.

— Я... я всегда мечтала об этом, когда готовилась к поступлению, — начинаю я, и голос дрожит от волнения, но уже не могу остановиться. — Представляла, как сижу на лекциях в университете, а за окном — Кремль, золотые купола блестят на солнце, и ты чувствуешь себя частью истории. Курсовые писать в Александровском саду, на деревянной лавочке под липами, когда листья шуршат над головой зелёным шёпотом, а вокруг — запах свежей травы после дождя, голуби воркуют, и люди проходят мимо. Просто сидеть и записывать, и знать, что это твоя новая жизнь...

Антон смотрит на меня молча, синие глаза спокойные, но

в уголках губ появляется лёгкая, едва заметная улыбка — как первый проблеск солнца сквозь облака. Он не перебивает, только слегка наклоняет голову, и я чувствую, как тепло разливается по щекам.

— А ещё музеи... — продолжаю я, и уже увлекаюсь по-настоящему, слова льются, как тёплый мёд. — Третьяковская галерея, где можно часами стоять перед «Богатырями» Васнецова, и сердце замирает от этих ярких красок. Пушкинский музей — огромные залы с белым мрамором статуй, холодным и гладким под пальцами, если потрогать украдкой, когда никто не видит. Экскурсии по старой Москве пешком, по булыжным переулкам, где каждый дом рассказывает свою историю. И прогулки на речных трамвайчиках по Москве-реке вечером — когда вода чёрная, как бархат, огни небоскрёбов отражаются в ней дрожащими золотыми нитями, ветер холодит лицо, а ты стоишь у борта и чувствуешь, как город обнимает тебя со всех сторон...

Его улыбка становится шире, теплее. Синие глаза загораются настоящим интересом, он подаётся чуть вперёд, локти на стойке, и я вижу, как пальцы его слегка постукивают по мрамору — ритмично, почти задумчиво. Запах его парфюма — свежий, древесный, с лёгкой ноткой цитруса — смешивается с остатками ужина и становится ещё ближе.

— И Булгаковская квартира! — восклицаю я, и голос уже звенит от восторга, руки сами жестикулируют в воздухе. — На Большой Садовой, где всё как в «Мастере и Маргарите»: те самые комнаты, лестница, где Воланд появлялся, воздух там особенный, пыльный и волшебный. А Патриаршие пруды рядом — тихие, таинственные, особенно осенью, когда жёлтые листья плавают на тёмной воде, как маленькие кораблики, и ветер шепчет секреты. Ещё есть секретные места, о которых мало кто знает: крошечные дворики в центре с коваными воротами и старыми качелями, где никто не ходит, Нескучный сад на закате, когда небо становится розово-оранжевым, а деревья отбрасывают длинные тени, и Воробьёвы горы — подняться туда пешком, когда ноги гудят, а потом увидеть весь город внизу, как на ладони, и ветер такой свежий, что волосы разлетаются, и внутри всё поёт от счастья...

Я замолкаю, запыхавшись, щёки горят, сердце колотится, как сумасшедшее. Но Антон смотрит на меня уже совсем по-другому — улыбка широкая, открытая, а в глазах — настоящее восхищение, тёплое и глубокое, как летний вечер.

— Вау, Настя... — говорит он тихо, почти нежно, и голос его низкий, бархатный. — Я восхищён. Правда. Такая глубина в тебе, такая искренняя любовь к городу... Не ожидал от... ну, в общем, ты меня удивила. По-настоящему.

Его слова обнимают меня, как тёплые руки, и внутри всё тает — страх уходит, оставляя только лёгкую, трепещущую радость. Я улыбаюсь в ответ, широко, глупо, и не могу сдерживать счастливый смешок.

— Давай так, — продолжает он, и глаза его искрятся. — Составь список всех этих мест, куда хочешь попасть. Я отвезу. На машине, без толпы, в удобное время. Покажешь мне свой город по-своему.

Радость взрывается внутри, как фейерверк! Я вскакиваю со стула, ноги сами несут меня к гостевой — не терпится, хочется бежать прямо сейчас, схватить блокнот, ручку, писать, рисовать сердечки на полях. Пол под босыми ногами тёплый, гладкий, сердце поёт. «Он отвезёт меня! Сам! В Булгаковскую квартиру, на кораблик...»

— Ночную жизнь тоже покажу, — бросает он небрежно, откидываясь на стуле, и в голосе лёгкая усмешка. — Клубы, бары, где настоящая Москва оживает после полуночи. Будет весело.

Я замираю на полпути, как будто меня окатили холодной водой. Радость гаснет мгновенно. Плечи напрягаются, руки опускаются, я поворачиваюсь к нему медленно, и внутри всё

сжимается от внезапного страха — колкого, острого.

— Нет... — шепчу я тихо, но твёрдо, опуская глаза. — Ночную жизнь... не надо. Пожалуйста.

Антон приподнимает бровь, улыбка исчезает, на лице — искреннее удивление. Он выпрямляется, смотрит на меня внимательно, почти допытываясь.

— Почему? — спрашивает он, и голос становится ниже, настойчивее. — Что не так? Ты же в Москве, Настя. Почему отказываешься?

Я стою посреди кухни, чувствуя, как холодный мрамор под ногами вдруг кажется ледяным, а огни за окном — слишком яркими, ослепляющими. Сердце колотится, щёки снова пылают, но теперь уже не от радости, а от смущения и старого, глубокого страха.

Глава 11

Его вопрос «почему?» повисает между нами, как тонкая паутинка, готовая порваться от одного неловкого движения. Я стою посреди кухни, босые ноги на тёплом дубовом полу, а внутри всё сжимается от старого, липкого страха. Огни Москвы за окном мерцают золотом и рубином, но мне вдруг становится холодно, будто кто-то открыл форточку в декабрьскую ночь.

— Потому что... я боюсь, — шепчу я, опуская глаза. Голос дрожит, пальцы теребят край его футболки, которая всё ещё пахнет его стиральным порошком и лёгким древесным ароматом. — Мама мне с детства рассказывала, что в Москве клубы — это ловушки. Там девочек поят, подсыпают что-то в бокалы, а потом... потом они исчезают. Или просыпаются в чужой квартире без ничего. В нашем Нефтегорске был один такой «клуб» — просто подвал с мигающими лампочками и пьяными мужиками. Одна моя одноклассница пошла — и вернулась через неделю с синяками и страхом в глазах. Она потом год не выходила из дома. А я... я же не такая, как эти московские девушки. У меня нет красивых платьев, каблучков, макияжа. Я в этих старых джинсах и твоей футболке... Все там будут смотреть и шептаться: «Смотри, какая нищен-

ка притащилась». Снобы кругом, все в брендах с ног до головы, а у меня даже нормальных кроссовок нет. И денег... денег совсем нет. Я не хочу, чтобы меня жалели или, хуже, использовали. Я хочу просто... гулять по дневному городу, а не прятаться по углам в полумраке.

Слёзы наворачиваются, горячие и солёные, я быстро моргаю, чтобы они не скатились. Запах остывшей лапши ещё витает в воздухе, смешанный с его парфюмом, и от этого контраста мне ещё горче. Я чувствую себя маленькой, голой, незащищённой — как котёнок, которого вытащили из коробки посреди шумной улицы.

Антон слушает молча, синие глаза темнеют от серьёзности. Он хмурится, но не зло — скорее задумчиво, будто внутри него что-то щёлкает. Потом вдруг щёлкает пальцами — громко, решительно — и усмехается уголком губ.

— Реально со шмотками у тебя проблема, Настя. Это да.

Он встаёт, подходит ближе — так близко, что я чувствую тепло его тела и свежий запах мятного геля после душа. Обводит меня медленным, оценивающим взглядом сверху вниз. Синие глаза скользят по моим растрёпанным волосам, по лицу, по шее, по груди под свободной футболкой, по бёдрам в старых джинсах, по босым ногам на полу. Я замираю,

не зная, куда деть руки — то ли скрестить на груди, то ли спрятать за спину.

— Одежда — полная лажа, — говорит он спокойно, но без злости. — Джинсы дешёвые, выцветшие, футболка висит мешком. Но вот внешность... Внешность огонь. Лицо такое свежее, чистое — большие серые глаза, губы пухлые, естественные, щёки с лёгким румянцем, как после мороза. Фигура — идеальная: талия тонкая, грудь аккуратная, но заметная, ноги длинные, даже в этих джинсах видно, как они стройные. Кожа гладкая, волосы — густые, русые с золотым отливом. Ты красивая девочка, Настя. По-настоящему. Просто упаковка пока... не та.

Сердце у меня колотится так, что кажется, вот-вот выпрыгнет. Щёки горят огнём — то ли от стыда, то ли от внезапной, сладкой гордости. Оскорбляться? Смущаться? Или... радоваться? Я не знаю. Слова «красивая девочка» звучат в ушах, как самая нежная музыка, но рядом с ними — «упаковка не та», и внутри всё путается. Я стою, прикусив губу, пальцы холодеют, а по спине бегут мурашки — приятные, щекотные.

— Правда? — вырывается у меня шёпотом. Голос тоненький, как у ребёнка. — Я тебе... правда нравлюсь?

Антон смотрит на меня секунду, потом откидывает голову и смеётся — низко, тепло, искренне. Смех раскатывается по кухне, как тёплый шоколад.

— Конечно, ты красивая девочка, Настя. Очень. С первого взгляда заметил, даже когда ты ревела на дороге.

Я краснею ещё сильнее, сердце трепещет, как пойманная бабочка. Хочу спросить — почему же тогда ты не пристаёшь? Почему держишь дистанцию, хотя я здесь, одна, в твоей квартире? Но слова застревают, я не знаю, как сформулировать, не выглядя глупой или навязчивой. Губы шевелятся, но звук не выходит.

Он вдруг замолкает, смотрит мне прямо в глаза — глубоко, проникающе — и словно читает каждую мысль.

— Тебе доказать? — спрашивает он тихо, с лёгкой хрипотцой.

Не дожидаясь ответа, делает шаг вперёд. Его рука — большая, горячая — ложится мне на талию, пальцы слегка сжимают ткань футболки. Вторая ладонь мягко касается моего лица, большой палец проводит по щеке, стирая невидимую слезинку. Я замираю, дыхание перехватывает. Он наклоняется — медленно, давая мне секунду понять, что происходит

— и целует.

Губы его тёплые, мягкие, но поцелуй сразу глубокий, смачный, голодный. Он втягивает мою нижнюю губу, языком осторожно, но уверенно раздвигает их, проникает внутрь — вкус мяты, лёгкой соли от ужина, чего-то сладкого и мужского. Руки мои сами поднимаются, цепляются за его плечи — твёрдые, горячие под тонкой тканью рубашки. Тело прижимается к нему, грудь касается его груди, и я чувствую, как его сердце стучит сильно, в унисон с моим. Запах — его парфюм, кожа, лёгкий пот после дня — обволакивает меня, кружит голову. Колени подкашиваются, но он держит крепко, одной рукой за талию, другой — запустив пальцы в мои волосы на затылке. Поцелуй длится вечность и секунду одновременно: язык танцует с моим, нежно, но властно, губы прижимаются плотнее, дыхание смешивается — горячее, прерывистое.

Внутри меня всё взрывается фейерверком — страх тает, как снег на солнце, на его месте разливается сладкий, обжигающий огонь желания, смешанный с нежностью и лёгким испугом. Я целую в ответ — неумело, но от всего сердца, и мир сжимается до его губ, до его рук, до этого момента, когда я наконец чувствую себя желанной.

Он отстраняется первым — медленно, целует меня ещё

раз, коротко, в уголок губ — и смотрит сверху вниз с тёмной, довольной улыбкой.

— Вот так, Настя, — шепчет он хрипло. — Доказал?

Глава 12

АНТОН

Я стою напротив неё, и губы всё ещё горят от её вкуса — сладковатого, немного солёного от недавних слёз, с лёгкой мятой от зубной пасты, которую она взяла в ванной. Сердце колотится так, будто я только что отжался сто раз на кулаках, а внизу живота — тугой, горячий узел желания, который я еле сдерживаю. Руки ещё помнят её талию: тонкую, тёплую, дрожащую под моей ладонью сквозь тонкую ткань моей же футболки. Она пахнет мной — моим гелем, моим стиральным порошком, — и от этого внутри меня всё переворачивается.

Что я творю, чёрт возьми?

С того момента, как она вылетела под колёса моего гелика, всё пошло наперекосяк. Сначала я хотел её убить — буквально. Моя малышка, чёрная, как ночь, только после детейлинга, а эта девчонка в дешёвых кедах лежит на асфальте и ревёт. Я орал на неё, готов был вызвать полицию, заставить платить. А потом... потом увидел её глаза. Серые, огромные, полные такого отчаяния, что внутри меня что-то щёлкнуло. Не жалость даже — что-то глубже. Как будто я посмотрел в

зеркало и увидел там себя в семнадцать, когда отец впервые сказал, что я «ни на что не гожусь без его денег».

Я не понимаю, зачем я её спас. Серьёзно. Мог заплатить за больницу, дать наличку и забыть. Сколько таких историй было? Десятки. Красивые лица, слёзы, «помогите». А я всегда уходил. Но с ней... с Настей... я не смог. Может, потому что она не просила. Она просто сломалась у меня на глазах — настоящая, без фальши. Рыдала про ферму, про коровник, про то, как мечтала о Москве, о музеях и речных трамвайчиках. И я, идиот, вместо того чтобы вызвать такси, повез её в клинику. Потом домой. А теперь целую.

Я восхищаюсь ею. По-настоящему. Эта девчонка из дыры знает про Булгаковскую квартиру больше, чем половина моих друзей-тусовщиков. Рассказывает про Патриаршие пруды так, что я сам захотел туда поехать. Наивная, чистая, умная. Но при этом... провинциалка до мозга костей. Смотрит на меня снизу вверх, краснеет от каждого комплимента, боится клубов, как чёрт ладана. Это мило. Чертовски мило. И в то же время бесит. Потому что я вижу, как она смотрит на мою квартиру — как на музей, в который боится ступить.

А ещё я её хочу. Сильно. Так сильно, что зубы сводит. Хочу стащить с неё эту мою дурацкую футболку, увидеть, какая она под ней — настоящая, без всего этого дешёвого тряпья.

Хочу прижать к мраморному острову, запустить руки в её русые волосы с золотым отливом, услышать, как она тихо застонет мне в губы. Хочу почувствовать, как её кожа теплеет под моими пальцами, как дрожат её бёдра, когда я проведу ладонью выше. Она вся такая... свежая. Как только что сорванное яблоко — хрустящее, сладкое, с лёгкой кислинкой. И это сводит меня с ума.

Но совесть... эта сука, которую я обычно успешно игнорирую, сейчас орёт во всё горло. Она полностью в моей власти. Без паспорта, без денег, без крыши. Я могу сделать с ней всё, что захочу, — и она не сможет отказаться. А это... это неправильно. Даже для меня, мажора, который привык брать всё, что приглянулось. Она не игрушка. Она не одна из тех девчонок из клуба, которые сами прыгают в койку за ужин в «White Rabbit». Она — Настя. С её мечтами о конспектах в Александровском саду и страхом перед ночной Москвой. Если я сейчас сорвусь, я стану тем самым уродом, которого она боится. И это... это жжёт изнутри, как дешёвый виски.

Поэтому я целую её. Потому что не могу не поцеловать. Потому что её губы дрожат, когда она спрашивает «правда ли я тебе нравлюсь?», и в этот момент я вижу — она хочет того же. Хочет, но боится. И я решаю: один поцелуй. Глубокий, честный. Чтобы она почувствовала — я не зверь. Я хочу её, да. Но не так. Не сейчас. Не пока она в моей власти.

Я отстраняюсь медленно, пальцем провожу по её нижней губе — мокрой, припухшей от моего поцелуя. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, дыхание частое, щёки цвета спелой клубники. Запах её кожи — тёплый, чуть ванильный — смешивается с моим парфюмом, и от этого голова кружится.

— Доказал? — шепчу я хрипло, и голос предательски низкий.

Внутри меня война. Похоть орёт «бери её прямо сейчас», а совесть тихо, но твёрдо говорит: «Не смей. Она заслуживает большего, чем просто ночь с мажором». И я стою, сжимаю кулаки, чтобы не потянуться к ней снова, и думаю: чёрт, Настя... что же ты со мной делаешь?

Глава 13

Поцелуй ещё горит на моих губах — горячий, влажный, полный того, чего я никогда раньше не чувствовала. Я стою, прижавшись спиной к мраморному острову, ноги дрожат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.